

Книга Иова, современный вариант

Мы продолжаем публикацию воспоминаний **Товы Альтойз** – еврейской женщины со сложной и героической судьбой, ушедшей из этого мира 20 июля нынешнего года.

Я уже говорила, что тетя и ее муж были настоящими, преданными хабадниками. Когда они попали в Алма-Ату, сразу же связались с отцом Ребе – Леви-Ишхаком Шнеерсоном, отбывавшим ссылку в этом городе. Когда реб Леви-Ишхак заболел, Янквив-Иосеф ухаживал за ним. И, понятное дело, за Янквивом-Иосефом и всей его семьей начали приглядывать органы.

Слежка стала особо плотной после того, как отец Ребе скончался и Янквив-Иосеф устроил похороны, шиву, чтение кадиша в его доме – все, что полагалось. Органам это сильно не понравилось, и угроза ареста буквально нависла над ним. Естественно, что в такой ситуации тетя опасалась устанавливать с нами регулярную связь, боясь своими письмами привлечь и к нам внимание органов. Когда отец Ребе скончался, Янквив-Иосефа больше ничто не удерживало в Алма-Ате, и, чтобы избавиться от опасности, он при первой же возможности вместе со всей семьей уехал в Москву. И там произошло чудо: к ним домой пришел... мой отец!

Всевышний услышал наши молитвы и спас ему жизнь. На фронте смерть много раз проносилась совсем рядом, порой опалая его своим дыханием. Отец получил ранение, но не тяжелое. Его эвакуировали в полевой лазарет, а потом отправили в тыл.

И вот в поезде он случайно разговорился с одним евреем. Шли тогда поезда долго, с частыми остановками. И попут-

чики коротали время за разговорами. Ну, слово за слово – кто ты, откуда едешь, где служишь, и отец посетовал: «Ишу семью и никак не могу найти». А еврей тот оказался из Ленинграда. Отец на всякий случай поинтересовался: «Может, вы знали в Ленинграде моего зятя – Янквива-Иосефа Раскина?» Тот аж подскочил: «Раскин? Я несколько дней назад в Москве столкнулся с ним на улице!» И дал отцу адрес.

Отец, конечно, сразу поехал в Москву. Что уж тут говорить, ждали его страшные известия: девочки в детдоме, а все остальные умерли от голода. Янквив-Иосеф сказал ему: «Все, теперь твоя главная задача – дети. Ты обязан поехать в Узбекистан и привезти их к нам, в Москву». Но как?

У Янквива-Иосефа была сестра, Сара Касенеленбоген, которую все звали муме Сора (тетя Сара). Выдающаяся женщина – деловая, хваткая, умевшая делать деньги буквально из воздуха. И к тому же очень красивая. С помощью своих красоты, энергии и денег она добивалась невозможного.

В годы войны она оказалась в Самарканде, где была большая колония хабадников. Отец написал муме Соре, попросил посмотреть, как обстоят дела у Минны в ФЗУ, и проверить, можно ли ее оттуда забрать.

Минна жила в комнате с еще тремя девочками. Хотя было очень голодно, но девочки – это девочки. Им тогда уже было по 14–15 лет, и они хотели как-то принарядиться. А как – денег-то у них не было ни копейки. И они придумали следующее: целую неделю не будут есть хлеб, который им выдают в ФЗУ. Продадут его и на вырученные деньги купят одной из них платье. А потом немного платье для следующей.

Художник Алекс Левин

Минне досталась первая очередь. Она купила белое платье в красный горошек и просто не могла на него налюбоваться. Естественно, она его не носила, а хранила на какое-то праздничное мероприятие или на особый случай. А может быть, чтобы в воскресенье вместе с подружками прогуляться по городу. Это была ее первая обновка с начала войны, по существу – первое взрослое платье. Да еще и купленное самостоятельно.

Короче говоря, Минна так любила свою обновку, что даже спала вместе с ней, положив платье под подушку. Но через несколько дней после покупки, так ни разу не выйдя в нем на люди, она проснулась утром и – о ужас! – платье под подушкой не оказалось. Кто-то вытащил его ночью, а Минна даже и не слышала. Г-споди, какое горе было у нее!

Минна так расстроилась, что даже не пошла на занятия. Она сидела на своей кровати и плакала, когда в комнату вошла муме Сора и сказала ей: «Я за тобой, пошли». Муме Сора обо всем договорилась с руководством училища, оформила все необходимые документы. Они уехали в Самарканд, где Минна прожила полгода до приезда отца.

По материалам журнала «Лехаим»

Продолжение читайте в следующем номере

ВОСХОЖДЕНИЕ

НЕДЕЛЬНАЯ ГЛАВА «ААЗИНУ»

Издание Молодежной организации хасидов Хабад
Глава организации – раввин И.И. Ааронов

Выпущено в Торонто
Центр еврейской русскоязычной общины
Онтарио

Главный Раввин – Йосиф И. Зальцман

Жизнь в шалаше

Что делает еврей в сукке – праздничном шалаше? Только ли ест, пьет, отдыхает, а также учит Тору, молится?.. Нет, все его действия – даже самые обыкновенные – в сукке получают новое, необычное значение: исполнение заповеди «жить в шалаше».

А самое главное, что во всем этом выражается безграничная любовь Всевышнего к Своему народу.

Учение хасидизма раскрывает, что в праздник Суккот выявляется все, что возникло в духовной сфере вследствие еврейского служения в Рош а-Шана, в течение Десяти дней тшувы и в Йом Кипур. Рош а-Шана, коронация Всевышнего как Царя над всем сотворенным миром, раскаяние, подведение итогов служения Всевышнему и принятие добрых решений на будущее в дни между Рош а-Шана и Йом Кипуром, окончательное и полное очищение в Йом Кипур – это этапы становления нового духовного образа мира, предопределяющего течение наступившего года для народа Израиля и каждого отдельного еврея. Однако в продолжение этого времени все, что происходит, остается сокрытым. И лишь в праздник Суккот совершается откровение – как намекает на это стих из книги «Теилим» (81:4): «Трубите в этот месяц в шофар, в новолуние – на день праздника нашего». Вот что означают эти слова: весь эффект служения Рош а-Шана – главным образом трубления в шофар, Йом Кипура (когда в заключение также трубят в шофар) сначала остается сокрытым – подобно луне в новолуние. Все приберегается «на день праздника нашего» – праздника Суккот – и тогда открывается.

Вернемся к сравнению Рош а-Шана и Йом Кипура с праздником Суккот. Чем достигается единство народа Израиля в эти дни? В Рош а-Шана все евреи предстают пред ликом Всевышнего. Отдаляясь от своих повседневных дел и интересов, они поднимаются выше всего, что создает различия между личностями. Этот подъем носит исключительно духовный характер. Хотя душа каждого человека индивидуальна а способности неповторимы, в Рош а-Шана все различия сглаживаются. Весь народ как один человек стоит с выражением величайшей покорности пред ликом Царя Вселенной и принимает на себя бремя Его высшей власти. Поскольку каждый еврей в этот день отрекается от своих частных интересов – даже самых возвышенных, – ничто не препятствует полному духовному объединению всех сынов народа Израиля. Еще более ярко единство всего Израиля выражается в Йом Кипур. Как отмечалось в этот день в состав общины принимают даже «преступников»: если они приходят в синагогу, значит, уже помышляют о том чтобы изменить свой образ жизни. Этот день обладает такой святостью, что ее ощущают даже те, кто в течение всего года старается забыть о своем еврействе. Йом Кипур – время откровения для еврейской души, однако откровение указывает на то, что оно обусловлено воздействием Свыше. Без этого воздействия грешный еврей не ощутил бы потребности помолиться Всевышнему и не пришел бы в синагогу, без него не возникло бы такое поразительное единство между всеми евреями в Йом Кипур. И опять мы видим, что, как и в Рош а-Шана, единство еврейского народа зависит от духовного подъема, возносящего человека над всеми земными увлечениями, над потребностями тела и даже над сугубо личными духовными интересами. Совершается же оно благодаря уникальной святости Йом Кипура.

А в праздник Суккот единство евреев выражается именно в повседневных занятиях: в еде, питье, сне и удовлетворении прочих телесных желаний. Это единство проявляется в праздничном шалаше – онто и создает это единство, и в самых простых формах.

В этом характере создаваемого единства заключается поразительное отличие

праздника Суккот от Рош а-Шана и Йом Кипура. В сущности, удивительно ли то, что еврейский народ един в Рош а-Шана и в Йом Кипур? Это дни возвышения над всем земным, а у всех еврейских душ – один Отец, поэтому совершенно естественно, что на таком высоком уровне все еврейские души объединяются! А вот в праздник Суккот еврейское единство – действительно нечто новое и удивительное. Ведь оно – не единство душ, а единство тел. Обычно же именно телесные факторы отличают одного еврея от другого (см.: Танья, ч. 1, гл. 32, с. 41а): интересы одного часто противоречат интересам другого, у каждого свои вкусы и в еде, и в питье, и в других увлечениях и привязанностях... Но, несмотря на это, в праздник Суккот все евреи служат Всевышнему своими повседневными поступками, исполняя Его волю сидеть в сукке и тем самым наглядно показывая, что действительно «все сыны Израиля достойны сидеть в одной сукке!»

В этот характере создаваемого единства заключается поразительное отличие

праздника Суккот от Рош а-Шана и Йом Кипура. В сущности, удивительно ли то, что еврейский народ един в Рош а-Шана и в Йом Кипур? Это дни возвышения над всем земным, а у всех еврейских душ – один Отец, поэтому совершенно естественно, что на таком высоком уровне все еврейские души объединяются! А вот в праздник Суккот еврейское единство – действительно нечто новое и удивительное. Ведь оно – не единство душ, а единство тел. Обычно же именно телесные факторы отличают одного еврея от другого (см.: Танья, ч. 1, гл. 32, с. 41а): интересы одного часто противоречат интересам другого, у каждого свои вкусы и в еде, и в питье, и в других увлечениях и привязанностях... Но, несмотря на это, в праздник Суккот все евреи служат Всевышнему своими повседневными поступками, исполняя Его волю сидеть в сукке и тем самым наглядно показывая, что действительно «все сыны Израиля достойны сидеть в одной сукке!»

В этом характере создаваемого единства заключается поразительное отличие

Еврейская улица

Под потоками света

Праздник Суккот начинается 15 Тишрея (вечером 23 сентября). Мы уже построили сукку во дворе или на террасе. Незадолго до начала праздника заносим в шалаш «арба миним» – этрог, лулав, адас и ветки ивы.

Свечи праздника лучше зажечь в сукке. Поскольку в праздник можно брать «огонь от огня», хорошо заранее, за светом, зажечь «долгогорящую» свечу.

В первый вечер Суккот (в диаспоре – первые два вечера) трапеза в сукке является обязательной. На улицах в это время звучит музыка: началась «симхат бейт а-шоэва», праздничное веселье.

В диаспоре свечи в честь второго дня праздника зажигают также вечером следующего дня, не раньше, чем через 20 минут после захода солнца (от огня, зажженного до наступления праздника).

Субботние свечи

	Торонто	Оттава	Ниагара	Кингстон
21.09	6:59	6:44	6:57	6:47
22.09	7:57	7:44	7:56	7:46

Свечи праздника

	Торонто	Оттава	Ниагара	Кингстон
23.09	6:55	6:40	6:54	6:43
24.09	7:54	7:40	7:52	7:42
25.09	7:52	7:38	7:50	7:41

Время зажигания свечей в вашем городе вы можете узнать в ближайшем Бейт-ХАБАДЕ

Хедер для взрослых

«В шалашах поселил...»

Заповедь о празднике Суккот гласит: «В шалашах живите семь дней... дабы знали поколения ваши, что в шалашах поселил Я сынов Израиля, когда вывел их из страны египетской» («Ваикра», 23:42–43).

Лучше всего начать строить шалаш ночью на исходе Йом-Кипура. Каждый еврей обязан принять участие в строительстве сукки (шалаша): заготовке схаха (веток для крыши), сколачивании стен и украшении сукки (этим с особым удовольствием занимаются дети).

Шалаш должен стоять под открытым небом (над схахом не должно быть ни крыши, ни ветвей живого дерева). Строить шалаш на чужой земле можно только с разрешения ее хозяина.

Стены шалаша должны быть крепкими и устойчивыми настолько, чтобы они не двигались от ветра. Они должны стоять на земле (или быть поднятыми над ней не более, чем на 24 см). У сукки должны быть

четыре стены, но если это невозможно, достаточно и трех.

Для схаха используют растения и их части: ветви, листья, прутья, лозу. Схах должен быть густым: тени от него должно быть в шалаше заметно больше, чем просветов, сквозь которые проникают лучи солнца.

«В шалашах живите семь дней», – в течение всего праздника Суккот следует превратить сукку в свой дом: есть, пить, изучать Тору, отдыхать, принимать гостей.

Закон разрешает есть вне шалаша фрукты и сладости, пить ради утоления жажды. В ХАБАДЕ принято ничего не есть и не пить вне шалаша. Основательная трапеза в сукке (включающая хлеб, мучные изделия, блюда, приготовленные из пяти видов злаков) сопровождается благословением «...повелевший нам жить в шалаше».

Больной, а также тот, кто за ним ухаживает, – все время, пока он занят помощью ему, – свободны от исполнения заповеди жить в шалаше.

SUKKOT PARTIES FOR KIDS

Wednesday,
September 26

S. Richmond Hill & Maple, West Thornhill,
East Thornhill, Rockford

Visit: www.jrcc.org/Sukkot

Позвоните нам,
если Вы желаете спонсировать издание
«Восхождения»
в честь или в память Ваших близких.

Established 1927
Steeles Memorial Chapel
350 Steeles Ave West,
Thornhill, Ontario L4J 1A1
(905) 881-6003 • www.steeles.org

Недельная глава

Скромность величия

Большую часть главы Торы «Аазину» занимает песнь Моше. Ее называют также «Песней Аазину». По окончании ее сказано: «И пришел Моше, и произнес все слова песни этой народу, он и Ошеа, сын Нуна».

Раши поясняет, что в тот день оба они, и Моше, и Йеошуа говорили к народу и были облечены властью. Затем Раши задает вопрос: «Почему же здесь назван он (своим старым именем) Ошеа (а не Йеошуа)? Сделано это, чтобы сказать нам, что он не возгордился, и хотя был удостоен величия, остался скромным, как и был».

Мы читаем о моменте возвышения Йеошуа, когда тот наделяется властью духовного лидера своего народа. И несмотря на это, здесь названо его прежнее имя, которое, как пишет Раши, вовсе не отвечает столь высокому новому статусу. Причиной тому была присущая Йеошуа скромность, которую он сохранил даже в такой ситуации.

Человеку свойственно изменяться, когда он достигает вершин власти и ответственности. Что удивительного в том, что, став во главе целого народа, человек испытывает своеобразную экзальтацию? Не обязательно, что его захлестывает эгоизм, но у него возникает чувство, что роль вожая требует держать некую дистанцию по отношению к другим.

И Тора говорит нам: вопреки своему вознесению на вершины власти Йеошуа

остался «так же скромен, как и был». До возвышения он был «сподвижником Моше», однако даже и после того, как жезл власти перешел в его руки, Йеошуа остался чужд всякого самодовольства.

В этом – важный нравственный урок. Благодаря своим качествам мы можем возвыситься, достигнуть богатства и т. д. Но ни богатство, ни возвышение еще не являются сами по себе мерой наших заслуг и качеств. Ибо достигнутое нами – вовсе не безусловное свидетельство

ство наших достоинств. Если мы думаем иначе – мы скатываемся к самодовольству. Тогда как поведение Йеошуа учит нас совсем иному: именно когда наши заслуги признаны и вознаграждены, мы должны «быть скромны, как прежде».

Если человек, оказавшийся на вершине власти, заражен самодовольством, тогда эта черта его личности не только ослабит степень его влияния на окружающих, но может оказаться, что все его действия и усилия будут иметь обратный эффект. Это важно осознавать светским лидерам, но еще более опасна склонность к само-

довольству для лидера духовного. Потому что в этом случае те, кто смотрит на него «снизу вверх», преисполняются презрением к его самодовольству. А тогда они отвернутся не только от такого человека, недостойного быть духовным лидером, но и от самой Торы. Если же человек, оказавшийся на вершине власти, исполнен смирения, как Йеошуа, видевший себя слугой народа, а не господином, то это может положительно повлиять на всех, кто соприкасается с таким духовным лидером. И в этом – залог того, что его влияние будет расти.

И урок этот уместен в те дни, когда мы читаем главу Аазину, – почти сразу после новогоднего праздника Рош-Ашана. В Рош-Ашана евреи венчают Б-га на царство, провозглашая Его царем всего мироздания. Заметим – сам факт, что этот сущностный для всего мироздания акт совершают именно евреи, указывает, сколь значима их роль в судьбах нашего мира. И в этом таится своего рода опасность: евреи могут возгордиться той ролью, которая дана им от Б-га.

И то, что Йеошуа, столь возвысившись, остался «так же скромен, как был», должно о многом напоминать нам. Да, нам дано венчать на царство Б-га, но следствием этого должна быть наша величайшая скромность.

Эта скромность является сосудом для принятия Его благословения. Именно есть залог нашего благополучия – как духовного, так и материального – в грядущем году.

Недельная глава в нашей газете является пересказом бесед Любавичского Ребе

Хасидская мудрость

Истинность чувства

За праздничным столом один из хасидов Мителер Ребе встал, поднял стакан и произнес: «Дай Б-г мне удостоиться истинной любви ко Всевышнему!»

Встал Ребе, поднял свой стакан и сказал: «Дай Б-г мне удостоиться истинной любви к ближнему!»

Стали хасиды спорить, какая любовь важнее: к Б-гу или к людям. Решили при случае спросить Алтер Ребе (основателя династии). Тот ответил: «Сказал Всевышний: «Возлюбил Я вас». Любящий Его не может не любить и тех, кого Б-г любит. Две эти любви – одно. Тот, кто говорит, что любит Б-га, но не видим мы в нем любви к ближнему, – тот и Б-га не любит. Тот, кто проявляет любовь к ближнему, но Б-га не любит, – лжива и его любовь к людям».

Любовь и страх

Один молодой хасид не мог заставить себя бояться Б-га. А ведь любит Его и бояться – две важные заповеди. Любить – это ему было близко и понятно, а как бояться-то? С этим вопросом и пришел к реб Симхе-Буниму.

– Ну а меня-то ты боишься? – спросил ребе, известный своей мягкостью.

Хасид потупился с улыбкой и ничего не ответил.

– Ну хоть немножечко боишься? – Снова тишина.

– Ну ни капельки! Ученик ответил:

– Я боюсь разрушить любовь между нами, потерять ваше расположение. Ребе улыбнулся и сказал:

– Об этом Тора и говорит!

Кто есть кто

Сказал Алтер Ребе:

Вор – не тот, кто может украсть. Вор – не тот, кто хочет украсть. Вор – тот, кто ворует.

Ученик – не тот, кто хочет учиться. Ученик – не тот, кто может учиться. Ученик – тот, кто учится.

Хасид – это не тот, кто хочет быть хасидом, и не тот, кто может быть хасидом, но только тот, кто думает, чувствует, ведет себя, и живет по-хасидски.

Что же такое хасидизм?

Видеть Единого Б-га во всем множестве сотворенного.

Служить Всевышнему в радости и веселии.

Делать добро ближним бескорыстно и даже в ущерб себе.

Совет от Ребе

Рецепт счастья

Вы задаетесь вопросом: «Как мне быть счастливым, если я несчастлив?» Действительно, чувствам не прикажешь, но мыслям, словам и делам можно и приказать. Сделайте что-то простое, дайте волю хорошим мыслям, говорите добрые слова, держитесь так, будто вы счастливы, даже если внутреннего ощущения счастья у вас нет.

Постепенно внутренняя радость души победит, пробьется наружу.

Сила и радость

Все следует делать с радостью. Даже каяться можно радостно.

Люди представляют себе место Б-жества как нечто серьезное, внушающее благоговение и робость. На самом деле там, где Б-г, царит радость.

Вот почему каждое мгновение – это мгновение празднества, наполненного счастьем. Ибо каждое мгновение мы выполняем свою миссию привнесения в мир Б-жественности. Это касается не только таких очевидно радостных дел, как размышление, учение, молитва, но и постоянной мирской деятельности, зарабатывания денег и повседневной жизни – все это пути познания и привнесения Его в наш мир.

И где есть Б-г, там сила и радость.

Страницы истории

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

(Продолжение. Начало в №№ 1407-1455)

«ЧТО ИМ ОТ МЕНЯ НАДО?! ЧТО ОНИ СО МНОЙ СДЕЛАЛИ?!»

Моего мужа лечил доктор, который часто приходил проведать его. Время от времени приходили еще два врача. Кроме того, мы подумывали о том, что надо бы показать его профессору, очень авторитетному врачу из Ленинграда, хотя организовать его визит было практически невозможно: доктор постоянно был занят на работе в большом военном госпитале. Тем не менее удалось договориться – посредством общих знакомых, а также благодаря тому, что профессору домой принесли не деньги, но вещи столь же ценные, как деньги, и при этом представлявшие для него больший интерес. Надо сказать, профессор – христианин по вероисповеданию – оказался человеком глубоко верующим, и когда он узнал, к кому именно его приглашают, тут же согласился прийти, хотя у него не было ни свободного времени, ни разрешения заниматься частной медицинской практикой.

Выслушав мужа, профессор тут же поставил диагноз, нащупав на его теле места, давшие ему всю необходимую информацию... И хотя после осмотра он сдержался и ничего не сказал, муж сразу понял, что положение крайне серьезное. Со слезами на глазах он воскликнул: «Что им, – имея в виду НКВД, – от меня надо?! Что они со мной сделали?!» Потом он стал рассказывать эпизоды своей жизни, после чего профессор сказал, что в его практике впервые встречается подобный пациент.

Нам профессор не стал рассказывать во всех подробностях, что именно он обнаружил у мужа, однако людям из нашего окружения рассказал гораздо больше. Тем не менее хотелось уговоривать себя, что все не так плохо...

ОТКРЫТКИ С «ПИДЬОНОЙС»

Муж мой сильно страдал. Его окружало множество людей, относившихся к нему со всем уважением и любовью, на какие только они были способны. Но, несмотря на это, у мужа уже не оставалось сил. К тому же у него возникло своего рода чувство стыда за собственную «слабость». Настоящее по-прежнему оставалось тяжелым и беспросветным, а надежда на будущее он не питал... И в этом заключался основной драматизм ситуации, несмотря на то, что мой муж, будучи человеком

богобоязненным, принимал все происходящее с ним с любовью и как должное.

Когда в Чили оказалось большое количество евреев, имя мужа было у многих на устах: человек упоминал о нем в разговоре, потом то же самое делал его собеседник, беседуя с другим человеком, и так далее. Спустя какое-то время к нему стали приходить евреи не только из Чили. Появлялись в нашем доме женщины (в том числе совсем юные девушки), жившие в колхозах за пять-восемь километров от нас, – порой им приходилось идти пешком под палящим солнцем. Они шли к моему мужу просить совета, получить утешение или для того, чтобы он помог им укрепить те или иные стороны их еврейской жизни... Сердца всех приходивших к нам были переполнены страданиями и горестями.

Большинство среди евреев Чили составляли ссыльные, главным образом из Бессарабии, а также беженцы из разных мест. Истории ссыльных практически не отличались друг от друга: когда в Бессарабию вошла Красная Армия, их сочли «буржуями» и целыми семьями отправили в среднеазиатскую глушь. По дороге происходила дополнительная «сортировка»: часть глав семейств (в первую очередь те, кто был богат или занимал видное положение) оказывалась в тюрьме, а их женам и детям разрешали ехать дальше. Многие в итоге попали в Чили и в соседние кишлаки.

По приезду они практически сразу слышали имя моего мужа, очень популярное среди здешних евреев. И несчастные женщины немедленно отправлялись к нему, сперва парами, а потом и более многочисленными группами. Влияние, которое он на них оказывал, невозможно описать словами. Приходя подавленными и разбитыми, уходили они исполненными мужества и силы!

Переехав в Алма-Ату, несмотря на строжайшую цензуру, мы часто получали от этих женщин открытки – с «пидьонойс»*, вопросами и т. п.

* «Искушение [души]» – специальная записка, которую хасиды передают ребе. В ней обычно содержится просьба похоронить перед Творцом, чтобы Он проявил милосердие к просителю и его семье.

Перевод с идиш Цви-Гирша Блиндера По материалам журнала «Лехаим» Продолжение следует

Из посланий Любавичского Ребе

Праздник единения

После атмосферы трепета, царившей в дни Рош а-Шана и Йом Кипуром, наступает веселье праздника Суккот. Есть глубокая связь между этими, казалось бы, противоположными праздниками. Несмотря на внешние отличия, все то духовное содержание, что наполняет Рош а-Шана и Йом Кипур, есть и в празднике Суккот. Отличие лишь в том, что, будучи в состоянии сокрытия до сих пор, в Суккот оно становится явным.

Это ярко проявляется в единении народа Израиля. Единство было одним из основных мотивов и Рош а-Шана, и Йом-Кипура. Но столь открыто, в дни трепета, оно не проявлялось. Зато в праздник Суккот единение народа становится явным и совершенно очевидным.

В Рош а-Шана и Йом Кипур раскрывается внутренняя сущность души каждого еврея, глубочайшая точка, объединяющая всех нас. Все как один мы воцаряем над собой Всевышнего в Рош а-Шана. Все как один мы возвращаемся к Творцу в Йом Кипур и раскрываем тем самым свою веру в Создателя, свою любовь к Нему.

Однако это единство, существующее в дни трепета, как бы игнорирует различия между нами, которые тоже есть. Это единство обнажает ту внутреннюю точку души, которая объединяет всех евреев и поднимает их над всеми различиями и разделением.

В праздник Суккот мы поднимаемся на еще более высокий уровень единства, и тем самым проявляем и развиваем то единение, которое было присуще нам в дни трепета. Одна из основных заповедей праздника Суккот – это заповедь о четырех видах растений, которые намекают на четыре типа представителей нашего народа: изучающие Тору и творящие добрые дела (этрог); только изучающие Тору (лулав); те, кто делает добрые дела, исполняет заповеди, но не посвящают время изучению Торы (адас); и, наконец, те, кто далек и от Торы и от исполнения заповедей (арав).

Здесь мы не только не игнорируем различия, которые есть между евреями, но наоборот, выделяем конкретные типы, составляющие наш народ. Мы не боимся включить в «букет» араву, такую, как она есть – без вкуса и без запаха. Невзирая на все эти различия, мы проявляем единство, как сказано в Мидраше: «Объединитесь все как один».

Это гораздо более высокая ступень единства. Легче достигнуть единения, игнорируя имеющиеся различия, и сосредотачиваясь только на том общем, что есть у нас. Ощутить единство, осознавая все различия, – это более высокий уровень.

Этим праздник Суккот показывает, что единение, появившееся в дни трепета – истинное и всепобеждающее. Это единство сохраняется и когда мы вновь ощущаем имеющиеся между нами различия. Это единство сопровождает нас в течение всего года и дает нам силы оставаться сплоченными несмотря ни на что.

